

Социальная феноменология памяти: стратегии конструирования

Аникин Даниил Александрович

Аспирант

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия

E-mail: dandee@list.ru

Объективная сложность исследования социальной памяти и формализации этого понятия с помощью понятийного аппарата социальной философии кроется в двух основных причинах:

1) содержание, которое современными исследователями вкладывается в понятие «социальная память», разумеется, опережает появление самого термина, что заставляет обращаться к анализу многочисленных категорий, содержащих в той или иной степени компоненты современного понимания социальной памяти (например, «социальная информация», «коллективное сознание», «традиция» и т. д.).

2) неоправданное расширение сферы употребления этой категории, особенно проявившееся на протяжении последних лет, привело к размытости понятия «социальная память» и его дроблению в дисциплинарных рамках, когда каждая социально-гуманитарная наука заявляет свое определение данного понятия и претендует на единственно верное его понимание.

Основоположником этого подхода к социальной памяти, как, собственно, и самого феноменологического метода стал Э. Гуссерль. Эволюцию его взглядов на проблему памяти можно обозначить как постепенное смещение от исследования индивидуальной способности воспоминания к преодолению излишнего субъективизма через категорию интерсубъективности. В своей работе «Лекции по феноменологии внутреннего сознания времени» Гуссерль возвращается к проблеме соотношения сознания и памяти, которая была поставлена еще у Локка, решая ее не в пользу полного отождествления этих понятий.

Сущность феноменологического метода заключается в использовании понятий «ноэзис» и «ноэма», определяющих, соответственно, предмет, конституируемый сознанием, и сам способ конституирования. В качестве предмета конституирования выступает *воспоминание*, как отдельный фрагмент непрерывного временного потока сознания, но обращение к этому потоку представляет собой работу памяти как особого вида познавательной деятельности. Воспоминание порождает размыкание временного потока, создавая в нем две фиксированных точки – точку, к которой обращается воспоминание, и точку, из которой, из которой это воспоминание исходит, – относительно которых можно оперировать категориями «до» и «после». Последовательность актов воспоминания размыкает непрерывность временного потока, выхватывая из него отдельные моменты. Оказавшись перед необходимостью объяснения того, какой закономерности подчиняется обращение сознания к самому себе в виде акта воспоминания, Гуссерль решает эту проблему путем приписывания сознанию «априорных истин», присущих ощущению времени и самостоятельно определяющих потребность в воспоминании.

Память представляет собой особое чувство, действующее неосознанно и подчиняющееся действию случайных импульсов, воспоминание же всегда конкретно и направлено на отдельный фрагмент прошлого, необходимость репрезентации которого в настоящем вызывается текущими потребностями сознания. Иначе говоря, Гуссерль, говоря о памяти и воспоминании, видит критерий их различения в сознательном или бессознательном обращении сознания к своему прошлому, что приводит его к очевидному противоречию – в зависимости от ситуации воспоминание выступает у него то как процесс конституирования, то как результат этого процесса.

Другую интерпретацию соотношения памяти и воспоминания, более корректную и теоретически стройную, предлагает П. Рикер. С его точки зрения, *память* представляет

собой интенциональную направленность сознания на прошлое, в то время как предметом, конституируемым в результате деятельности памяти, выступает воспоминание как репрезентация конкретной вещи или явления. Если термин «память» используется для обозначения целостной и единой способности человека, то воспоминание характеризуется множественностью проявлений и изменчивостью уровней их различения. Рикер выделяет следующие фундаментальные дихотомии, подчеркивающие широкое смысловое поле употребления термина «воспоминание»:

1) *привычка – воспоминание*. Воспоминание представляет собой целенаправленную деятельность человека по сохранению фрагментов прошлого и их воссозданию в настоящем, воспоминание уже одним фактом своего вызывания конституирует ту пропасть (конечно, онтологическую, а не хронологическую), которая имеет место между фактом, совершившимся в прошлом, и фактом обращения к прошлому. Действия же, совершаемые «по привычке», лишены смысла различения, в самой повторяемости кроется «их вечное настоящее», затеняющее временной характер происходящего. Привычка – это, выражаясь в русле терминологии Р. Жирара, «миметическая память», которая построена на автоматическом подражании устоявшимся образцам поведения и отсутствии рефлексии по поводу собственной деятельности. Другим критерием различения этих понятий выступает артикулируемая Бергсоном связь воспоминания с созданием образа, которого не требует привычка – «...чтобы вызвать прошлое в виде образа, надо обладать способностью отвлекаться от действия в настоящем, надо уметь ценить бесполезное, надо хотеть мечтать».

2) *воскрешение в памяти – вызывание в памяти*. Этой оппозицией Рикер возвращается к проблеме, поставленной Гуссерлем, о соотношении преднамеренного воспоминания и непреднамеренной работы памяти. Как уже говорилось, Рикер определяет сходство рефлексивной и нерефлексивной памяти в конечном продукте их деятельности – воспоминании, но видит различие в протекании самих процессов обращения к прошлому. Воскрешение в памяти может быть вызвано ассоциативным мышлением или чувственным восприятием, в то время как вызывание в памяти предполагает целенаправленную деятельность по розыску в прошлом необходимого факта или предмета. Этот вид воспоминания тесно связан с феноменом забывания, поскольку люди «ищут то, что, как опасаются, забыли, – временно или навсегда, не имея при этом возможности на основе обычного опыта провести границу между двумя гипотезами о принципах забвения: идет ли речь об окончательном стирании следов ранее приобретенных знаний или о временном препятствии, мешающем их активации, которое при случае можно проделать». Вызывание в памяти, таким образом, представляет собой разворачивание «свернутого» воспоминания из единичного образа под воздействием страха забвения.

Обращаясь к своему воспоминанию, человек не просто заново «прокручивает» в памяти тот или иной факт, он вынужден достраивать утраченные фрагменты воспоминания с помощью образов, что порождает вопрос о том, насколько образы способны изменять и подменять прошлое. Воспоминание всегда имеет образную природу, что и роднит деятельность таких способностей человеческого сознания, как память и воображение, но их сходство в выборе средств обращения к предмету (память и воображение одинаково прибегают к образам) оказывается пресечено на уровне интенциональной направленности. Предмет, который конституируется памятью, наделяется атрибутом реального существования, а предмет, создаваемый воображением, априорно воспринимается как нечто иллюзорное и вымышленное.

Можно сформулировать следующие сценарии нарушения передачи социальной памяти, провоцирующие трудности в социальной идентификации индивида:

1) невозможность усвоения социальной памяти из-за индивидуальных особенностей патологического характера или вынужденной социальной изоляции ведет к тому, что биологическое существование человека не подвергается угрозе, в то время как его существование в качестве социального субъекта оказывается сведено к нулю из-за

невозможности идентифицировать себя с существующими социальными группами. Душевнобольные в рамках современного общества оказываются оторваны от тех семейных кланов или цеховых организаций, к которым причислялись в традиционном обществе на основании происхождения или местопребывания.

2) приобщение человека сразу к нескольким типам социальной памяти, существующим в различных социальных плоскостях, затрудняет процесс самоидентификации и, как следствие, ведет к маргинализации социального статуса. Подобная проблема, которая является несущественной в традиционных обществах, когда социальный опыт является упорядоченным и взаимосвязанным. В подобном типе общества человек не может существовать сразу в нескольких социальных плоскостях – все его социальные роли увязаны между собой, специально же регламентируемые (во время мистерий и празднеств) способы выхода за пределы своего статуса носят игровой характер, не влияющий на изменение статуса своего владельца в повседневной жизни.

3) разрыв между первичной и вторичной социализацией приводит человека к невозможности объективно оценить свою принадлежность к определенной социальной группе. Идентификация с той группой, в которой индивид существует, может быть затруднена стремлением усвоить иной тип социальной памяти и принадлежать, соответственно, к другой социальной группе. Такой сценарий наиболее соответствует положению в определенном сообществе чужака, который по рождению не является принадлежащим ни к одной из социальных групп, к тому же обладает принципиально иными стереотипами мышления, которые могут интерпретироваться в иной социальной среде совсем по-другому. Иначе говоря, символические стратегии обеспечения привилегированного положения, принятые в одном обществе, могут не достигать своей цели в другом обществе, поэтому использующий их человек оказывается в положении маргинала. Подобная ситуация, переносящая идентификационный кризис из плоскости социальной в плоскость индивидуальную, имеет два пути решения. Либо несоответствие реальных условий ожидаемым выступает мощным стимулом для перемещения в социальном пространстве на более престижное место, либо это же несоответствие может стать причиной замыкания человека в своем субъективном мире и отказа от активной социальной деятельности.

Литература:

1. Бергер П., Лукман Т. (1995) Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум.
2. Гуссерль Э. (1994) Собрание сочинений. Т. 1. Феноменология внутреннего сознания времени. М.: Гнозис, 1994.
3. Жирар Р. (2000) Насилие и священное. М.: Новое литературное обозрение.
4. Люббе Г. (1994) Историческая идентичность // Вопросы философии, № 4. с. 110-119.
5. Репина Л. П. (2003) Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М.: ГУ-ВШЭ.
6. Рикер П. (2004) Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы.
7. Douglas M. (1972) Symbolic orders in the use of domestic space // Ucko P.J., Tringham R., Dimbleby G.W. Man, Settlement and Urbanism. London. P. 112-148.